

Д. В. Зайцева
Государственный академический
университет гуманитарных наук,
Москва

ВОСПОМИНАНИЯ О БУДУЩЕМ: ОСОБЕННОСТИ ВОСПРИЯТИЯ ПРОШЛОГО В ПЕРИОДЫ РЕВОЛЮЦИЙ

Автор эссе анализирует содержание коллективной монографии «Революции и новые прочтения прошлого XVIII–XX вв.», вышедшей под редакцией Сильви Апрель и Эрве Лёверса во французском издательстве *Presses universitaires du Septentrion*. В основе этого коллективного труда лежит идея о том, что в эпоху революций история имеет гораздо более важное значение для общества, чем в иные периоды. Авторы, исследуя революционные эпохи разных стран – от России до Латинской Америки, стремятся показать, как в переломные моменты истории менялось отношение к прошлому и каким образом это прошлое пытались поставить на службу настоящему. Книга состоит из четырех частей, в каждой из которых исследователи пытаются ответить на вопросы о том, как можно оправдывать историей текущие события, как использовались революции предшествующих эпох в качестве образца для подражания и как с их помощью пытались предсказывать дальнейший ход событий, чтобы избежать возможных ошибок, как знание и понимание прошлого влияет на построение настоящего.

Ключевые слова: историография, революции, Франция, Латинская Америка, СССР, Французская революция XVIII в.

Благодарности: Статья подготовлена в ФГБОУ ВО «Государственный академический университет гуманитарных наук» в рамках выполнения государственного задания Министерства науки и высшего образования Российской Федерации (проект FZNF–2023–0003 Традиции и ценности общества: механизмы формирования и трансформации в контексте глобальной истории).

Цитирование: Зайцева Д. В. Воспоминания о будущем: особенности восприятия прошлого в периоды революций. <https://doi.org/10.32608/0235-4349-2023-1-56-398-410> // Французский ежегодник. 2023. Т. 56. С. 398-410.

Поступила в редакцию: 01.04.2023

Принята к печати: 26.04.2023

Daria V. Zaytseva
State Academic University
for the Humanities, Moscow

**MEMORIES OF THE FUTURE:
SPECIFICITY OF PERCEPTION OF THE PAST
DURING REVOLUTIONARY PERIODS**

The author of the essay analyzes the content of the collective monograph *Révolutions et relectures du passé XVIIIe – XXe siècle*, edited by Sylvie Aprile and Hervé Leuwers in the French publishing house *Presses universitaires du Septentrion*. This collective work is based on the idea that in the era of revolutions, history is much more important for society than in other periods. The authors, exploring the revolutionary epochs of different countries – from Russia and Latin America, strive to show how attitudes to the past changed at crucial moments in history and how politics tried to put this past at the service of the present. The book consists of four parts, in each of which researchers try to answer such questions as how current events can be justified by history, how the revolutions of previous eras were used as a model and how people basing on the knowledge of history tried to predict the future course of events in order to avoid possible mistakes, how images of the past affect the construction of the present.

Keywords: historiography, revolutions, France, Latin America, USSR, the French Revolution

Acknowledgements: The study is realized in the State Academic University for the Humanities within the framework of the state task of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation (project FZNF-2023-0003 Traditions and values of society: mechanisms of formation and transformation in the context of global history).

Citation: Zaitseva D. (2023) Vospominaniia o budushchem: osobennosti vospriiatiia proshlogo v periody revoliutsii [Memories of the future: specificity of perception of the past during revolutionary periods]. <https://doi.org/10.32608/0235-4349-2023-1-56-398-410>. *Annual of French Studies*, 2023, vol. 56, p. 398-410.

В 2023 г. во французском издательстве *Presses universitaires du Septentrion* под редакцией Сильви Апрель и Эрве Лёверса вышла

коллективная монография «Революции и новые прочтения прошлого XVIII–XX вв.»¹. В ней международный коллектив авторов анализирует то, как в революционные периоды истории разных стран революции прошлого воспринимались в качестве прообраза настоящего и, с другой стороны, как революционное настоящее влияло на восприятие прошлого. В редакционном введении отмечается, что каждый, кто обращается к прошлому, понимает то или иное событие в соответствии «со своей культурой и верованиями», при этом «многие интерпретируют его в свете своей эпохи» (С. 16). Правомерность данного тезиса мы легко можем проиллюстрировать примером из нашей отечественной историографии, вспомнив, как советские историки столь часто соотносили Французскую и Октябрьскую революции, ища между ними аналогии, что сам этот факт в дальнейшем стал объектом специального исследования². Впрочем, еще задолго до событий октября 1917 г. Французская революция в среде российской интеллигенции была возведена в культ³. И в Российской империи, и в СССР та или иная трактовка Французской революции зачастую была для исследователей способом выразить свое отношение к общественно-политической ситуации в собственной стране⁴. Но подобное обращение к прошлому опыту, как показывает рассматриваемая нами монография, в той или иной степени можно наблюдать почти в любой стране, пережившей масштабные революционные потрясения.

Известный французский исследователь Революции XVIII в., профессор Руанского университета Мишель Бьяр, написавший предисловие к первой части книги, констатирует, что любая революция, свергая установившийся порядок и воздвигая на его руинах новый, непременно сопровождается дискурсом, который оправдывает случившийся переворот. Из этого вытекает ряд вопросов: можно ли протестовать против нового порядка, не подвергаясь обвинениям в контрреволюции? Допустимо ли восстание на том основании, что революция с точки зрения перемен зашла недостаточно далеко? Необходимо ли придать прошлому карикатурный образ, преподнося революцию как событие, благодаря которому свет сменил тьму,

¹ Révolutions et relectures du passé XVIIIe - XXe siècle / Édité par S. Aprile, H. Leuwers. Lille, 2023. В дальнейшем ссылки на это издание даются в тексте статьи в круглых скобках.

² Кондратьева Т. Большевики-якобинцы и призрак термидора. М., 1993.

³ Подробнее см. Чудинов А.В. Французская революция: история и мифы. М., 2007.

⁴ Чудинов А.В. Размышления о скрытых смыслах дискуссии по проблеме якобинской диктатуры (60-е – 80-е годы XX в.) // Французский ежегодник 2007: Советская и французская историографии в зеркальном отражении. 20-е – 80-е годы XX в. М., 2007. С. 266.

или же следует признать, что элементы нового порядка во многом являются частью только что свергнутого? Бьяр отмечает, что оправдание революции историей равнозначно «оправданию себя перед лицом истории» (С. 24). И авторы первого посвятили свои главы тому, как в революционные эпохи разных стран современники, апеллируя к истории, пытались обосновать произошедший переворот.

Специалист по истории предреволюционной Франции 1787–1789 гг., доцент университета По и региона Адур, Фредерик Бидуз исследовал, как в эпоху Французской революции менялось отношение к парламентам – суверенным судам Старого порядка, которые прекратили свое существование осенью 1790 г. С точки зрения автора их история являет собой прекрасный пример революционного поворота, когда за короткий промежуток времени восприятие парламентов кардинально изменилось: они сперва превозносились, позже дискредитировались и в конце концов были уничтожены с величайшим позором. Говоря о парламентах в дореволюционную эпоху, автор подчеркивает, что они были «главными противниками министерского деспотизма» и умели влиять на общественное мнение. Антипарламентские памфлеты периода Революции отразили в себе несколько стадий переосмысления истории парламентов и их роли: «от героической борьбы против абсолютных королей до молчаливой поддержки тех в том, чтобы держать французов в оковах, и, наконец, к заговору, который вынашивался веками – захватить абсолютную власть, подчинив себе и короля, и его подданных» (С. 32).

Написанная доцентом Сорбонны Марком Делепласом глава посвящена дебатам 1789–1791 гг., в ходе которых происходила переоценка исторической роли монархии во Франции. Воспринимаемая ранее как единственный способ правления, способный уберечь государство от анархии, монархия с началом Революции «была поставлена под сомнение сначала в своей абсолютистской версии, а затем и в самой своей сущности» (С. 43). Видные деятели Революции – от Бийо-Варенна до Лавиконтри стремились доказать, что именно монархия, а не республика, порождает анархию и по сути является узурпацией власти, а ее насильственное установление предполагает и ее деспотический характер. Бийо-Варенн утверждал, что в феодальной системе связей между вассалами и сюзеренами проявлялся республиканский дух, и именно она стала зародышем представительства нации.

Выпускница МГУ, а ныне преподаватель французского университета Лазурного Берега, Владислава Сергиенко изучила, как интерпретировался Старый порядок в сочинениях группировки монархистов, носившей в эпоху Революции уничижительное прозвище «монаршьены». В начальный период Революции они описывали дореволюционное общество Франции как царство хаоса и смуты, ставили под сомнение эффективность прежних политических институтов и подчеркивали плачевное состояние государственных финансов монархии. Критике с их стороны подверглась также судебная система Старого порядка из-за отсутствия в ней унифицированных правовых стандартов и компетентных судей. Избегая задевать лично короля, монархисты выбрали в качестве основного объекта своей критики «коррупцированных» министров, которые якобы наделили себя безграничными правами и тем самым лишили Людовика XVI его прерогатив, ослабив королевскую власть. Призывая положить конец злоупотреблениям, «монаршьены» возлагали большие надежды на создание конституции, отмечая, что созыв Генеральных штатов и их преобразование в Национальное собрание знаменуют рождение новой эпохи, открывающей путь к торжеству справедливости. Автор приходит к выводу, что выдвинутые тогда «монаршьенами» политические требования и их разрыв со Старым порядком имели решающее значение для их дальнейшей политической судьбы. Находясь в 1792–1800 гг. в эмиграции, они испытывали на себе непреходящую вражду со стороны роялистов, которые обвиняли их в том, что именно «монаршьены» стали инициаторами революционного движения, выбросившего и тех, и других на обочину столбовой дороги истории (С. 71–72).

Немецкая исследовательница Анна Карла, доцент Кёльнского университета, в своей главе проанализировала мемуары очевидцев Французской революции, изданные в период между Термидором и Реставрацией, показав, как их публикация способствовала «историзации Революции» (С. 74). Констатируя, что этот вид источников достаточно хорошо известен и часто цитируется учеными, она отметила, что некоторые аспекты их редакционного контекста тем не менее по-прежнему остаются вне поля зрения историков. По словам А. Карла, мемуары позволяют отследить момент индивидуального восприятия начала Революции, поскольку далеко не для всех очевидцев она началась с созыва Генеральных

штатов или взятия Бастилии. Обычно отправной точкой повествования мемуаристов служил момент личного соприкосновения с революционными событиями. Карла отмечает наличие схожих повествовательных стратегий у авторов воспоминаний, однако в этом, по ее мнению, большую роль сыграли книгоиздатели, которые как правило выпускали мемуары сериями, предлагая публике последовательное чтение этих текстов. Автор подчеркивает влияние редакторов на формирование корпуса мемуаров и, таким образом, на превращение Революции в объект истории.

Хотя в центре внимания авторов монографии находится прежде всего Французская революция XVIII в., ряд глав посвящен и революциям в других странах. Профессор университета Париж-8 Венсенн-Сен-Дени, Армель Эндерс рассмотрела то, как история Первой Бразильской республики освещалась в эпоху правления диктатора Жетулиу Варгаса (1930–1954). В XIX–XX в. Бразилия пережила немало переворотов, практически каждый из которых называли «революцией». Однако наибольшее значение для этой страны имела «Революция 1930 года», которая донныне считается переломным моментом в новейшей истории Бразилии. Подобное представление о событиях 1930 г. сложилось благодаря Варгасу, который, стремясь придать своей власти легитимность, заботился о формировании крайне негативного образа Первой республики. Этот режим, прекративший свое существование с приходом к власти Варгаса, расценивался как «олицетворение коррупции, кумовства, социальной и политической изоляции, нестабильности и жестокости» (С. 87). Закрепление столь негативного представления о Первой республике, с одной стороны, и трактовки государственного переворота 1930 г. как «революции», с другой, во многом было заслугой талантливых публицистов и пропагандистов, окружавших Варгаса. Однако в 1990-х гг. неолиберальная модернизация отправила историческое наследие Варгаса «в лавку национального антиквариата» (С. 103). Тем не менее, подчеркивает автор, было бы неправильно недооценивать его вклад в переустройство бразильского общества.

Вторая часть монографии посвящена изучению опыта интерпретации прошлых революций как эталона для революций последующих, с помощью которого можно предупредить возможные опасности и смоделировать будущее развитие событий.

Преподаватель Миланского университета Франческо Дендена проанализировал французское издание мемуаров деятеля Ан-

глийской революции XVII в. Эдмунда Ладлоу, осуществленное во II году Республики. Впервые оригинал этого текста был опубликован в Англии через несколько лет после смерти автора – в 1698 г. В последующие десятилетия он неоднократно переиздавался и пользовался спросом, поскольку позволял «формировать критический дискурс по отношению к монархической власти» (С. 109). Однако мемуары Ладлоу представляли интерес и для французов, которые издавали их дважды – сперва в 1699–1707 гг., а затем в 1794 г. Дендена выявил изменения, которые были внесены в редакцию текста, опубликованного в 1794 г., и попытался понять, с какой целью это было сделано. Его вывод: издатель, близкий к жирондистам, провел глубокую переработку оригинальной версии текста: удалил все упоминания о религии, добавил антидворянскую риторику и сожаление о том, что в Долгом парламенте не нашлось Брута, способного вонзить кинжал в грудь честолюбца (имелся в виду Кромвель), поскольку тиранубийство – единственное средство спасения Республики. Подводя итог, Дендена отмечает, что явно присутствующие в этом тексте антиробеспьеристские и антимонтаньярские мотивы всё же имели для издателя второстепенное значение, а основная задача, которую он перед собой ставил – сделать события середины XVII в. в Англии частью исторической памяти республиканцев.

Филипп Даррьюла, профессор новейшей истории в Школе политических наук Лилля, рассмотрел полемику в Июльской монархии о конечном рубеже Французской революции XVIII в. Этот вопрос, отмечает он, вышел на первый план во время Революции 1830 г. Ответ на него пытались найти как радикальные либералы, так и доктринеры. Если для первых «Три славных дня» 1830 г. стали последней битвой, завершившей череду событий, начатую в 1789 г., то вторые трактовали июльские события 1830 г. всего лишь как либеральную реакцию на авторитарный государственный курс режима Реставрации. В понимании доктринеров настоящая революция была только одна – летом 1789 г., а все последовавшие за ней события – не что иное как трагические отголоски этого фундаментального переворота. Однако большинство в политически активной части общества, полагает автор, воспринимало Июльскую революцию «не как вспышку света, а скорее как новый рассвет, исход которого пока еще кажется крайне неопределенным» (С. 141) и которая являет собой часть процесса, начатого в 1789 г.

Глава, написанная Александром Дюпоном, доцентом Страсбургского университета, посвящена революции 1868 г. в Испании, когда после свержения королевы Изабеллы II эта страна «приобрела свой первый истинно либеральный и демократический опыт Демократического шестилетия» (С. 144). Особое внимание автор уделяет восприятию испанских событий 1868 г. роялистами Франции, где нашла убежище низвергнутая королева. Автор подчеркивает научную актуальность подобного исследования, поскольку взгляды французских роялистов на революционные события в других странах пока еще недостаточно освещены в историографии. Кроме того, изучение зарубежного опыта, по его словам, представляет существенный интерес, поскольку «заставляет нас задаться вопросом об интернационализме и о транснациональной политической солидарности, возникающей во время революционных событий» (С. 144). Подводя вывод, Дюпон отмечает, что свержение Изабеллы II в сентябре 1868 г. стало для французских контрреволюционеров «новым пришествием Зла на землю», способным привести к целой череде революционных потрясений. Еще более ужасающим для них был тот факт, что подобный переворот произошел именно в Испании – государстве, остававшемся практически полностью католическим.

Главный редактор «Французского ежегодника», А. В. Чудинов на примере работ Н. М. Лукина по аграрной тематике показал, каким образом советские исследователи использовали историю Французской революции для оправдания политики коллективизации. По словам автора, Лукин пытался оправдать раскулачивание негативной ссылкой на опыт Французской революции, объяснив падение Робеспьера тем, что якобинцы оказались неспособны заручиться поддержкой «деревенских пролетариев и полупролетариев» против французского «кулака». Отсюда Лукин делал логичный вывод, что большевистскому правительству необходимо опереться на бедняков и совместно ликвидировать русское кулачество, чтобы не повторить судьбу якобинцев. Для придания правдоподобия этому тезису Лукин попытался установить соответствие между терминологией двух эпох, сделав это весьма произвольным образом. Кроме того, советский историк прибегал к достаточно свободному обращению с архивными материалами, подгоняя их под заранее заданную схему и допуская хронологические инверсии. А. В. Чудинов приходит к выводу, что идеологически

мотивированная трактовка революционных событий Лукиным, изображавшая «бедняков» Франции естественными союзниками революционного правительства, была слабо связана с реалиями французской истории XVIII в. и диктовалась лишь стремлением доказать необходимость раскулачивания в России.

В предисловии к третьей части коллективной монографии Луи Инкер, профессор новейшей истории в университете Клермон-Овернь, задается вопросом: «Что общего между французскими либералами эпохи Реставрации, немецкими социал-демократами 1880-х – 1900-х гг., основателями Чехословацкой Республики, ставшей после Второй мировой войны молодой народной демократией, и кубинскими лидерами 1960-х гг.»? Отмечая, что попытка объединить столь разнородные темы в рамках одной части может сбить с толку, он, однако, предлагает два варианта решения этой проблемы: во-первых, можно сравнить перечисленные сюжеты, попробовав вывести некую типологию революций, во-вторых, можно поразмышлять, существует ли для всех революций некая общая «грамматика», отличающаяся в разных странах только «спряжениями», или же каждая из революций уникальна.

Профессор Римского университета Вероника Граната исследовала дискуссии первой половины XIX в. о Просвещении, которые были тесно связаны с размышлениями о Французской революции. Несмотря на то, что революционная буря утихла, современников тревожила мысль о ее возможном повторении. В атмосфере страхов и опасений люди перечитывали и реинтерпретировали труды философов Просвещения. В новом столетии поиск истоков «взрыва» 1789 г. стал «способом увидеть будущее, а не созерцать прошлое» (С. 177). Проанализировав печатную продукцию о Просвещении, вышедшую в эпоху Наполеона и Реставрации, и дискурсы, продвигаемые этой литературой, Граната пришла к выводу, что в начале XIX в. основной темой войны мнений вокруг Просвещения был статус прессы. Отношение к свободе печати колебалось от принципиального недоверия к печатной продукции, которая считалась причиной любого грандиозного социального или политического переворота, к восхвалению могущества печатного слова. Автор подчеркивает, что тема «свободы печати будет актуальной для всех политических режимов XIX столетия, заставляя чувствовать всю тяжесть ее отрицания и все риски ее принятия» (С. 199).

Профессор новейшей истории Руанского университета Жан-Нума Дюканж обратился к сюжету распространения в конце XIX в. знаний о революционной истории немецкими социал-демократами, которые пытались поставить ее на службу своим интересам. В конце XIX в. социалистические организации рассматривали многочисленные исторические примеры как урок на будущее. Внимание автора сосредоточено на том, в каких условиях развивалась популяризация исторических знаний и какое влияние она оказывала на большинство политических активистов, у которых тогда не было иного источника сведений об истории, кроме того, что предлагала партия. Дюканж также анализирует то, как в конце XIX в. социал-демократическая партия преподносила историю: прошлое представлялось как героическая эпоха, где решающая роль отводилась революционным периодам, настоящее характеризовалось как время, когда основной задачей является строительство и укрепление партии, а будущее виделось эрой победившего социализма.

Вопрос о формах манипулирования прошлым в момент перехода от правых коллаборационистских режимов военных лет к левым режимам поднят в своей главе книги профессором университета Оттавы Романом Краковски. Экономический и политический кризис 1920-х гг., а затем Вторая мировая война вызвали в Центральной и Восточной Европе настоящую социальную революцию, в результате которой возникла новая модель общества – народная демократия. Этой революции во многом способствовали пересмотр прошлого и споры об ориентации национальной культуры. Предпочтение отдавалось интерпретациям, предлагаемым левыми. За социальной революцией последовало принятие новой модели экономического развития, которая была основана на плановом хозяйстве и ускорении темпов производства. Автор отмечает, что в 1950-е гг. страны Восточного блока совершили стремительный скачок к современному обществу в его социалистической версии.

Рафаэль Педемонт, доцент университета Пуатье, посвятил свою главу поискам революционной идентичности на Кубе в 1959–1971 гг. Автор отмечает двойственность политического дискурса Фиделя Кастро в первое время после Кубинской революции января 1959 г.: с одной стороны он занимался поиском идеологической идентичности, с другой – стремился подчеркнуть исключительность кубинского опыта. Однако в конце 1960-х гг. революционные власти Кубы начали идеологическое сближение с международным ком-

мунистическим движением, завершившееся в 1971 г. выбором в пользу интеллектуальной и политической модели, воплощенной в СССР, и проникновением советского влияния.

Последняя, четвертая часть монографии посвящена интеллектуальному наследию современников революций и анализу их трудов с оценками произошедших событий. Авторы глав сконцентрировались на двух ключевых моментах истории Франции, а именно – на революциях 1789 и 1848 гг.

Интеллектуальный опыт французского писателя, философа и политического деятеля Сильвена Марешаля, очевидца Французской революции и участника «Заговора Равных», освещен профессором Миланского университета Эрикой Джой Мануччи. Исследовав его интеллектуальный опыт и труды, она проследила трансформацию его взглядов на революцию.

Известная французская исследовательница революционных событий XVIII в., почетный профессор Амстердамского университета Анни Журдан изучила подготовленный американским литератором Джоэлем Барлоу проект труда Французской революции, современником которой он был. Проанализировав его записки, сочинения и письма автор реконструировала картину восприятия революционных событий Барлоу: для него ключевой неизменно оставалась идея улучшения общества благодаря революции, даже несмотря на все связанные с той трагедии и насилие. В его понимании события 1790-х гг. во Франции – пример достойный подражания. Причина сопряженных с Революцией трагедий не в ее природе, а в том, как ее провели.

Написанная сотрудником университета Лион-3 Флораном Бреше глава посвящена анализу трудов Шатобриана и краткому обзору эволюции его взглядов на философию истории. Автор выделяет в жизни Шатобриана несколько революций, каждая из которых побуждала его переосмыслить прошлое. Прежде всего это общенациональная революция 1789 г. – глубоко травмирующее событие, которое он попытался осмыслить в своем пессимистическом «Очерке революций». Вторая революция носила личный характер – она произошла в 1799 г., когда Шатобриан вернулся к религии и отказался от написанного ранее «Очерка», сочтя его безбожным. Последняя революция, на сей раз политическая, произошла в июле 1830 г. и ознаменовала конец правления династии Бурбонов, свою верность которой Шатобриан хотел сохранить навсегда.

Однако приход к власти Луи-Филиппа Орлеанского еще раз заставил писателя изменить свои представления об истории. Анализируя эволюцию взглядов Шатобриана, автор главы обнаруживает в них ряд противоречий. Бреше считает, что этот пример убедительно демонстрирует насколько трудно, если вообще возможно, придерживаться неизменной точки зрения в столь нестабильное время. Переменчивость и двойственность мысли Шатобриана отражают характер той тревожной и смутной эпохи, в которую ему довелось жить.

Исследователь из университета Франш-Конте Эдвард Каслтон рассмотрел представления Пьер-Жозефа Прудона о событиях 1848–1849 гг. во Франции и отметил те особенности его взглядов, которые отличали их от представлений современников. Автор констатирует, что Прудон зачастую был противоречив и непоследователен в своих воззрениях: несмотря на репутацию радикального социалиста и стремление поставить «революцию выше республики» он яростно критиковал левых социал-демократов, оставаясь во многих отношениях «истинным консерватором» как он сам себя называл (С. 316).

Почетный доцент Сорбонны Венсан Робер написал о практически забытом французском историке и публицисте Адольфе Гранье де Кассаньяке. Причины подобного забвения Робер видит в том, что Кассаньяка «единодушно ненавидели все прогрессистские интеллектуалы Франции за то, что он поддерживал все плохое на из взгляд идеи, какие только возможно» (С. 320). Тем не менее Робер считает, что Кассаньяк заслуживает внимания благодаря своему труду «История падения короля Луи-Филиппа и восстановления Империи». В отличие от прочих современников Революции 1848 г., которые сосредотачивались либо на изучении ее событий, либо на истории Временного правительства или Второй республики, Кассаньяк комплексно анализирует весь процесс перехода от Июльской монархии ко Второй империи. Такой подход, по словам Робера, позволяет глубже понять социальное и политическое измерения кризиса середины века.

Обращение к прошлому в переломные моменты истории выглядит вполне закономерным: в опыте предшественников, переживших схожие потрясения, люди пытаются найти ответы на злободневные для них вопросы и сквозь призму истории взглянуть на современные им события, стараясь предугадать их исход. Однако существует опасность чрезмерно довериться опыту прошлого, придав ему утрированное значение, либо использовать его

для политических манипуляций, оправдывая текущие преобразования или придавая апелляцией к нему легитимность новой власти. Изучение восприятия и переосмысления прошедших революций в разных странах и анализ трансформации сопровождавшего их дискурса позволили авторам книги наглядно показать, сколь актуальным остается изучение прошлого, которое неизменно влияет на настоящее и зачастую определяет будущее.

REFERENCES

- Кондратьева Т.* Большевики-якобинцы и призрак термидора. М., 1993 [Kondrat'eva T. Bol'sheviki-iakobintsy i prizrak termidora. Moscow, 1993].
- Чудинов А. В.* Размышления о скрытых смыслах дискуссии по проблеме якобинской диктатуры (60-е – 80-е годы XX в.) // Французский ежегодник 2007: Советская и французская историографии в зеркальном отражении. 20-е – 80-е годы XX в. М., 2007. С. 266-276 [Tchoudinov A. V. Razmyshleniia o skrytykh smyslakh diskussii po probleme iakobinskoï diktatury (60-e – 80-e gody XX v.) // Frantsuzskii ezhegodnik 2007: Sovetskaia i frantsuzskaia istoriografii v zerkal'nom otrazhenii. 20-e – 80-e gody XX v. Moscow, 2007. S. 266-276].
- Чудинов А. В.* Французская революция: история и мифы. М., 2007 [Tchoudinov A. V. Frantsuzskaia revoliutsiia: istoriia i mify. Moscow, 2007].
- Révolutions et relectures du passé XVIIIe – XXe siècle / Édité par S. Aprile, H. Leuwers. Lille, 2023.

Зайцева Дарья Владимировна
кандидат исторических наук,
старший преподаватель
Государственный академический
университет гуманитарных наук
119049, Москва,
Мароновский переулок, 26
научный сотрудник
Институт всеобщей истории РАН
119334 Москва, Ленинский пр-т, 32а
e-mail: divdaria@gmail.com

Daria Zaytseva
PhD (History), Senior Lecturer
State Academic University
for the Humanities
26 Maronovskiy pereulok
119049, Moscow
Research Fellow
Institute of World History the Russian
Academy of Sciences
32a, Leninski Ave.
119334, Moscow, Russia
e-mail: divdaria@gmail.com
Researcher ID : K-6441-2017
ORCID : 0000-0002-5546-7404